

Дмитрий ДАРИН

ИСПОВЕДЬ

Рассказ

Деревни, как деревья, — живут по-разному. Вот иная — стоит себе красиво на берегу тёплой реки, как стройный березняк или строгий бор, — сотни лет стоит. А подрубит что-то под корень, и начинается чахнуть деревня, терять своих обитателей, скобочится, как кривая береза с отсохшими ветками, да и сгинет в несколько лет. Один-два двора останутся — и торчат, как пни на огнище. А бывает и наоборот: прилепится хутор в каком-то странном месте, как сосна на скале, — и от «железки» далеко, и река не река, ручей по колено, и чем жители пробаваются — одному Богу известно. А пройдет десяток-другой лет, и глядишь, уже и не деревня, а село. И фермы тебе, и молоко чуть не на экспорт, и церковь отреставрированная, и элеватор новый. А еще поколение спустя — уже и рабочий посёлок, а то и городок. С полустанком, лесопилкой, мельницей и даже краеведческим музеем, полным задыхающимися от города туристами.

Вот так вместе со своей деревенькой рос и Корней. Родители единственного сыночка любили, но по-разному. Со стороны поглядеть — противоположно как-то любили. Мать — обычная крестьянка, и любила обычно: молочко парное, творожок, обшить да обгладить. Новые штаны сошьет или старые починит, порванные в мальчишеской замятне, и сразу не опустит на улицу: поворачивает да смотрит — ладно ли, красиво ли. Конечно, сыночек лучшим должен быть, не меньше.

Отец тоже считал, что Корней должен быть лучшим. Поэтому ремня не жалел. Но не только порол, хвалить тоже не забывал. За его успехи в школе даже выпивал — хотя вообще водку не жаловал, говорил: не люблю голову терять, она человеку для другого дадена. Отец и Корнею все время про голову твердил: «светлая голова», «головой жизнь возьмёшь», «учись, набирай знаний на всю голову, чтобы переливалось». Для закрепления порол по заднице, или, как

он говаривал, «нижней голове», особенно за тройки. Двоек лучше было не получать вовсе. Корней прирассирился к книгам, тройки случались все реже, а за четверки отец не порол. Но приговаривал: «Всё, что не отлично, плохо!» И добавлял: «Ты, Корней, держись корней. Без корней вырастет пустоцвет. А ты меня фрукт!»

Отца Корней схоронил первым. В ту пору он уже был молодым инженером-электронщиком, причем с элитной специализацией системотехника. Одним словом, стратег электронных разработок. Именно потому, что желание быть лучшим было вбито в него с двух сторон, он поступил не в какой-то провинциальный технический техникум, а в один из лучших институтов — Московский технологический. И учился на «отлично», хотя спрашивали нестрого и преподавали без души — лекции, как научные доклады, без дискуссий, семинары без мозговых штурмов и вообще без огонька. Складывалось впечатление, что преподавателям было всё равно. Но Корнею было не всё равно. Он точно знал: лучшие в любой профессии и живут лучше всех. И какой престижной бы ни была сама профессия — как у выпускников соседнего МГИМО, — но если ты не мастер, будешь всегда подмастерье. А подмастерьям гордиться нечем, и хлеб у них если и не горький, то жёсткий. Поэтому на дискотеки ходил нерегулярно, девочками напролом не увлекался, в компаниях выпивал редко. За это Корней не то что сторонился, но как-то не расслаблялись при нём, что-то в себе придерживали и уж тем более не панибратствовали. Корней это чувствовал, но весьма отстранённо, без обид и отчуждения. Он знал свою цель, он видел её то ближе, то дальше, но никогда из перекрестья вбитой отцом воли не выпускал. Окружающий мир её не застилал, и большего от мира не требовалось.

Мать, слава Богу, была жива. Она даже не сильно постарела, хотя со смерти мужа прошло уже почти двадцать лет. Отец Корней умер примерно в том возрасте, в котором он был сейчас сам — сорок с «кувырком» то есть. Как он сейчас понимал, молодым. Отца в полгода спалила саркома лёгких. Но и на последях он не бросил чадить своим «Беломором», такой уж последовательный был человек. Мать же — то ли от вечного копания в огороде на густом деревенском воздухе, то ли от натуральной еды, то ли уже от какого-то нетребовательного согласия с мирозданием — «законсервировалась» и выглядела, конечно, пожилу, но в старуху не превратилась. Она ходила почти как летала, пружинисто и быстро, говорила реже, но так же отчетливо и разумно. Корней приехал навестить мать на Пасху — она давно уже просила подсобить по хозяйству, зазывала и медком, и оладьями, и засоленной с зимы капусточкой. Тосковала, конечно, это было видно в крупном почерке старомодных писем, исправно приходивших на Корнеев адрес. И вот он выбрал наконец время и приехал.

Пасха в этот год выдалась поздняя — на Первомай. Праздники длились почти без перерыва до Дня Победы, поэтому и получилось освободиться от дел — его сотрудники все равно все разъехались на длинные выходные. Вы-

шел солидный отпуск, который он разрешил себе впервые за последние годы. И сейчас Корней пошел в церковь освящать куличи и десяток яиц с материнского хозяйства. Но он опоздал. Батюшка закончил освящать пасхальную еду уже как с полчаса.

— Только что был тут, — виновато и добро улыбнулась женщина из церковной лавки, куда Корней заглянул за свечками.

В Москве он в церковь почти не ходил, Пасхальную церемонию смотрел по телевизору и вообще не сильно воцерковлялся. Хотя крещеным был — он это помнил и крестик не снимал, разве что в парной. Вот и сейчас не усердствовал — опоздал к освящению, хотя мать и поторапливала с самого утра. Корней провозился с радиоприемником еще ламповой породы, наладил, потом приладил доску к крыльцу, потом еще что-то — так до вечера и проваландался. И теперь ему было неловко — возвращаться с невыполненным заданием было не в его правилах, а слукавить матери он не мог. Теперь оставалось ждать всеобщей и крестного хода — так объяснила та же женщина из церковной лавки.

— А это не батюшка? — Корней указал на седовласого мужчину в белом стихаре.

— Что вы? — чуть не перекрестилась прихожанка. — Это алтарник! Отец Игорь ушел уже, отдыхает перед службой.

— Ага! — кивнул Корней. — Тогда мне три свечки, пожалуйста!

Корней хотел взять три свечи по пятьдесят рублей, но, когда женщина дала ему свечки по сто, возражать не стал. Не толщиной свечи измеряется покаяние, но и не тот случай, чтоб дешевить. Все-таки свеча горит не зря — ее пламя отгоняет темноту, и молитва становится зримой.

Корней пошёл вдоль икон, вспоминая. Последний раз он был в храме Христа Спасителя в Москве, но не молился, службы не стоял, зашел из любопытства. Так же было и в Питере — в храме Спаса на Крови. Мозаичные фрески, камни с кровью императора — это влекло ум, возбуждало туристический интерес, но к сердцу отношения имело мало. В этой церкви, ухоженной и благолепной, а когда он забежал сюда мальчишкой — обшарпанной и невзрачной, — он тоже не молился. Но Корней вспоминал сейчас, узнавая иконы, на которые он смотрел во все любопытные мальчишеские глаза, что в детстве он стоял вон в том тихом углу и прислушивался. То ли к шорохам, то ли к душе. А вот у этой стены пространство было темнее, но там скамейка, наверное, та же самая, там он сидел и болтал ногами, смотрел на редких крестящихся. Он тоже пробовал креститься — сверялся с движениями верующих: так ли, верно ли? Корней медленно шёл вдоль икон, и ему казалось, что иконы тоже его узнают. Вот и Богоматерь. Корней оплавил нижний конец свечи — для крепости сцепления, зажег фитилёк и установил свечку поближе к иконе.

Что попросить у Божьей Матери? Здоровья и долгие лета своей, конечно. Корней так и сделал: помолился, представляя матушкино лицо, все её морщинки, улыбку, глаза — чтобы отослать этот образ Всевышнему, чтобы мо-

литва состояла не из одних только слов, перекрестился три раза, вздохнул и пошел дальше.

Корней остановился перед иконой Спасителя и таким же способом утвердил вторую свечу. Кроме «Отче наш», других молитв Корней не знал, да и эту порядком подзабыл. За матушку он просил своими словами, простыми и понятными. Но тут следовало читать по канону и Корней напряг память. «Отче наш, сущий на небеси... да святится имя твое, да придет царствие твое...»

Корней сбился. Он закрыл глаза и представил икону Спасителя внутренним взором. Христос смотрел строго. Не настолько, чтобы отводить взгляд, пусть даже и внутренний, но все-таки строго. Так смотрел отец, перед тем как сказать, что у Корнея, забывшего что-то купить из материнского списка в их сельпо, — «дырявая голова». Говорят об усопших — пусть земля ему будет пухом. Но душа-то взлетает на небеса, зачем мертвому телу «пух» земли? И что пух для души? И есть ли он? Раз душа есть, она в чем-то должна быть — при жизни в теле, а после жизни? Корней открыл глаза — его явно «занесло» куда-то не туда. «Оставь нам долги наши, как мы оставляем должникам нашим...» Да, прощать долги — может, самое сложное в прощении. Отец, как он помнил, долги взыскивал, ругался, даже дрался. И снова давал — то четверть выставит на чьи-то поминки, то инструмент нерадивому соседу, то деньги. Давал даже тем, с кем потом доходило до мордобоя. Теперь Корней понимал — так отец исправлял неоставление долгов своим должникам. Последовательный во всем был человек.

Корней отошел от иконы. Молитвы все равно не получилось, а последнюю свечку следовало поставить отцу. Найдя быстро канунный стол у Голгофы — куда ставят за упокой, Корней зажег свечу, поставил и положил троекратно крест. «Может, пух для души — это свет от свечек?» — вдруг подумал Корней, пламя свечи как-то притянуло его взгляд, заполнило сознание, он даже забыл моргать. Так он и простоял — без мыслей, без ощущений долгое время, — свечка заметно укоротилась.

— «Первое убо слово сотворих о всех, о Феофиле, яже начат Иисус творити же и учити даже до дне, воньже, заповедав апостолом Духом Святым, ихже избра, вознесся...» — алтарник нараспев читал из Деяний апостолов.

Корней очнулся. В левой руке все так же был пакет с материнскими куличами и яйцами, правая застыла на сердце. Корней перекрестился и отошел от Голгофы. Все-таки нужно было освятить еду, а всю всюнощную он вряд ли выстоял бы. Пока он стоял у кануна, в церкви стало как-то суетней — людей изрядно прибавилось: по обеим сторонам образовались очереди. Очереди выстроились к священникам — наконец-то батюшка объявился, даже два. Корней встал в одну из них, потому что не знал, как иначе попросить священника освятить пасхальную снедь. Без очереди он бы и так не сунулся, а уж в церкви тем более. Ему повезло — он встал вовремя. Через еще какие-нибудь четверть часа стоявших позади него было раз в пять больше, чем впереди.

Священник, к которому стояла его очередь, был его лет, дородным, с красивым, даже холёным лицом и начинающей седеть бородой. Он о чём-то беседовал с женщиной, теребившей уголки платка и непрестанно кивавшей. Корней спросил потихоньку молодую прихожанку, стоявшую перед ним с Евангелием в руках: «Куда очередь?»

— Христос воскрес! На исповедь, куда ж ишо.

— Воистину воскрес! — Корней почувствовал озноб — он никогда не был на исповеди, никогда не помышлял и никогда бы не решился. На всякий случай предупредив позади стоящего, что отойдет ненадолго, Корней прошел на другую сторону — там очередь стояла к другому батюшке, седому и благочинному старцу в очках.

— Кто в первый раз на исповедь, подождите в сторонке, — молвил батюшка.

Корней подумал, что как раз и надо бы ему в сторонку. Не готов он ни к какой исповеди. Да и как возможно рассказывать о своих грехах незнакомому человеку, пусть и священнику? Про себя вспоминать-то неприятно, не то что вслух рассказывать.

Корней отошел в сторонку и сел на скамейку с облегчением. Исповедь, ишь как. Ему-то и надобно только окропить пасхальную еду святой водицей. И вообще, эту еду пора бы пустить в дело — он уже изрядно проголодался. И хоть пост на то и положен, чтобы отодвинуть от себя чревоугодие куда-нибудь на задворки сознания, но пост-то — как раз еще чуток, и закончится. Часы откусывали у Великой субботы одиннадцатый час. Конечно, следовало потерпеть. Тем более, пост он не соблюдал. Нет, ограничивал себя в первую и последнюю, Страстную седмицу, но только в части алкоголя. И весь пост ел не то чтобы постное, просто переставал есть раньше обычного, чтобы чувствовать легкий голод ко сну. На большее Корней не был способен. Но и к тем, кто истово постился, присматривался внимательней. Не про них ли сказано: «Что за польза, когда мы воздерживаемся от птиц и рыб, а братьев угрызаем и снедаем». Эти слова Иоанна Златоуста Корней специально выписал, чтобы запомнить твердо: в споре могло пригодиться. И пригодилось ведь. Был у него один знакомец — и постился, и на клиросе пел, и причащался, и исповедовался, наверное. Даже невесту в церкви нашел — та приходила послушать, как он поет красивым баритоном. Много этот певун у Корнея на даче о православных канонах рассуждал, строгость православную напускал. А за спиной спаскудничал разок. Корней никогда не прощал подлость, даже мелкую. Даже и не подлость, а нечистоплотность, нещепетильность в отношении себя не принимал и не перекладывал прощение на второй или еще какой-то раз. Да подлец-то прощения и не попросит — подлец-то уверен, что его выгода важнее правды другого, что так оно справедливее. А раз так, то чего тут прощать. Отрезать сразу нитку, пока нитка в канат не превратится. Да и не примет подлый человек никакого прощения, потому что вины за собой не чувствует и никакого прощения не желает. Еще и удивится: за что это его прощать? Дашь такому в долг, а он не

только не отдаст, а еще вознаграждение за хранение твоих денег потребует. Рассуждает такой человек просто: все так делают, и ты бы так сделал, будь ты на его месте. Поэтому лучше я сворую первым. У таких совесть удобно под пользу подогнана, и чем им удобней вместе, тем красивей и глубже поклоны в церковный пол. А воспитывать таких — только душу зря тратить. Так что на пост Корней не был способен и не хотел быть способным. Не в этом вера. Но вот и на исповедь он, оказывается, не был способен. Но почему так? Разве за ним много такого стыдного, чтобы и батюшке не покаяться? Господу Богу про себя-то легко, а вот живому человеку, который тебе прямо в душу смотрит, выходит, «слабо». Корней вдруг встал со скамейки и вернулся в первую очередь. Его пустили без возражений. Перед ним стояло всего только пять-шесть человек, а позади — уже несколько десятков. Корней встал чуть сбоку, чтобы видеть, как там впереди все происходит, что надо делать, как подходить, как целовать крест. Теперь что-то перепутать в процедуре ему казалось чуть не более стыдным, чем те грехи, в которых он собирался покаяться. А каяться он решил твердо — он не привык отступать и всплывающее иногда малодушие из себя выдавливал. Какие грехи поставить «первой очередью», Корней пока только начинал думать, раньше ему грехов рассчитывать не приходилось. А их накопилось изрядно, и нужно было выбрать какой-то главный или почти главный — чтобы по тяжести и облегчение вышло.

Место у священника освободилось, женщина, первая в очереди, обернулась, сложила руки на груди и поклонилась народу:

— Простите, люди добрые! Христос воскрес!

— Бог простит! Воистину воскрес! — ответили из очереди.

Женщина повернулась и подошла к батюшке. Корней заметил, что она что-то быстро положила в короб, стоявший по правую руку от исповедального столика. Нужно было узнать, что это, и тем самым выдать свою полную неосведомленность. Корней немного потушевался, но всё-таки спросил впереди стоящую девушку в огромных очках с Евангелием в руке.

— Туда денежку кладут, — просто ответила девушка и перелистнула Священное писание.

— Ага. Денежку, — обыденность объяснения как-то его успокоила. С «денежками» он дело имел давно, и это мирское «денежку кладут» как-то делало и батюшку более человеческим, и его самого менее суетным пред лицом Всевышнего. И вот то, что он так много работал, чтобы заработать как можно больше «денежки», чтобы когда-то больше никогда не работать, и хотел Корней представить поначалу священнику как грех. Нет, стремление к богатству, наверное, не грех, но понимание людей через их кошелек, достоинство мощной мерить — вот это истинный грех. Давно стал замечать это Корней — и в себе поначалу. Но когда увидел, что почти все его коллеги по бизнесу, знакомые и женщины и его по деньгам меряют — сам стал выискивать в людях другие черты. Бедных он не любил, нищих, кроме немощных и стариков, пре-

зирал, но с какого-то жизненного поворота стал и в тех и в других стараться увидеть что-то кроме их нищеты и бедности. Что-то другое, интересное, чудинку какую или изюминку. Что-то не из кармана. И ведь действительно, один знакомец, простой учитель физики, открылся в живописи — и пусть стрелял у него деньги на холсты и краски, но картины писал завораживающие. Потом взял кредит под квартиру, чтобы в той же квартире мастерскую устроить, но расплатиться не смог, наехали какие-то чёрные риелторы или коллекторы — бандиты, одним словом, выбросили его с пропиской в Тамбовской губернии. Так без пяти минут его приятель оказался уличным художником в прямом смысле слова. Корней помог: снял маленькую комнатку на окраине Москвы, чтобы художник на улице не ночевал и как-то боролся за собственность. Но художник ушел не в борьбу, а в запой. Потом просил еще денег, и весьма требовательно просил, словно у обязанной ему родни. Корней отказал: не помогут деньги такому человеку. Тем нажил себя очередного врага. Год прошел, с комнаты тот съехал, и куда сгинул потом этот человек, Корней не интересовался — забот и так хватало.

А другой приятель, страшный и пошлый матерщинник по трезвости, будучи в стельку пьяным на каком-то недорогом застолье, вдруг начал цитировать Цицерона. Притом по латыни. Никто и думать не мог, что он со школы увлекался историей Древнего Рима. В другой раз выяснилось, что сварливая до остервенелости соседка по дачному посёлку усыновила трёх детдомовских ребятишек, причем одного негритёнка, — и это без мужа, одна. И хотя такие случаи были нечасты, Корней научил себя быть к ним готовым, ждал чего-то необычного в людях.

Корней давно, с начала перестройки, понял, что его мозги стоят дорого. Но, проработав наладчиком-программистом в кооперативе, торговавшем компьютерами азиатской сборки, и пережив двух убитых один за другим директоров, понял и другое. Ему нужен доход от своего дела, а не зарплата с чужого — зарплату он сам будет выплачивать, кому сочтет нужным. И бизнес должен быть не торговым, а высококвалифицированным — таким, чтобы без его мозгов дело встало, и убирать его — во всех смыслах — было бы непрактично. Чтобы прибавочная стоимость создавалась его головой — той самой, которую так часто и не к месту поминал отец. Хотя почему не к месту? Как раз голова у него была на своем месте и делала, что положено — думала. И Корней придумал — кооператив по персональному тюнингу персональных компьютеров. Он нашел — в основном из числа бывших сокурсников — толковых программистов и обучил их писать программы. Парадокс — программы не для новых предприятий, плодившихся, как грибы, а для старых, советских, которые до сих пор обходились перфокартами. Поставь в министерство самый распрекрасный комп — и будет он там стоять как игровая приставка или калькулятор. А чтобы на нем можно было обсчитывать производство и логистику — для этого нужно было создать «софт» — адаптированную программу. И это стоило дорого!

Корней быстро богател, но богател умно. Деньги напоказ не швырял, оргий и еще менее содержательных великосветских застолий избегал, и вообще не был сторонником теории показательного потребления Веблена. В потреблении мало удовольствия, если ему не предшествует труд, а к труду не приложена выдумка и авторская идея. В этом смысле Корней был художником жизни. Хозяином и художником. Но чем истый хозяин отличается от наёмного человека? Тем, что встаёт раньше, работает больше да успевает за работой других приглядывать.

Священник приклонил голову исповедавшейся епитрахилью, что-то прошептал, женщина облобызала икону и крест, потом руку батюшке. Святой отец поцеловал её в темечко — и впрямь по-отечески — и отпустил с миром. Следующим был невысокий кряжистый мужчина. Он тоже поклонился народу, сложив руки на груди, и Корней уже со знанием дела сказал со всеми: «Бог простит». Он уже почти освоился и знал по нескольким прошедшим впереди него, что ему самому нужно делать. Вот только в чем исповедоваться, он до сих пор не знал. Думал то про одно, то про другое, но всех-то грехов не перечислишь, а за один раз — тем более первый — нужно было выбрать что-то потяжелее. Или, наоборот, полегче — для разминки.

Корней начал вспоминать издалека. В голову, как назло, лезла всякая чепуха. Вот он ребенком ещё отнял у младшего мальчика «петушок» — из озорства, а не любви к сладкому. И хотелось посмотреть, что мальчик предпримет, как будет ныть и просить отдать. Но мальчик не стал просить, поднял с земли камень и кинул прямо Корнею в лоб. Промахнулся. Корней тогда его отдубасил, а уже через пару часов его самого порол отец с присловьем про дурную голову. Корней точно не помнил, но смысл был всегда один — головой не понимаешь, задницей доберёшь. Может, отец был прав. Головой-то добирать лучше. Прав не прав, но отца Корней недолюбливал. Был благодарен за науку, за стержень. Но не любил, в сердце не держал, только в памяти. Иногда мечтал и отомстить за порку, но с годами признавал её полезность и к отцу в глубине ума испытывал благодарность, которую никогда вслух или действием не выражал. Мать — другое дело, с матерью они и ссорились, и кричала она на него, и подзатыльники обидные он от неё получал. Но по-настоящему родным человеком — обиды не накапливались, не склеивались в какой-то тяжелый угольный пласт, как с отцом или другими людьми. Прошла гроза, и снова свежий, ясный воздух. Может, грех в том, что он так отца при жизни... не жаловал, что ли. Сторонился. Даже когда помогал — только деньгами, не лично. В город привезти, поселить, к врачам отправить — помощника с машиной выделял, всё устраивал, хлопотал, платил, но всё заочно. Конечно, заглядывал, виделись, выпивали, говорили, но, когда встреча заканчивалась, уезжал с облегчением. Так чувствуют, когда закончена нежеланная или тяжелая работа. Но отец этого не замечал, любви и нежностей не требовал, та же порода. Так что вряд ли это какой-то тяжелый грех. Тогда что же?

Корней внезапно, как-то вдруг, без видимой связи вспомнил один неприятный эпизод. Он никогда не лез в драку с какого-то угара или ради веселья, но драться умел и противников не избегал, коли напрашивались на разговор. Не заступался ни за кого, но, когда дело касалось его самого, сдачи давал не стесняясь. А тут ехал средь бела дня по проспекту Мира и вдруг увидел, как хозяина почти такого же джипа, как у него, мутузили три каких-то кавказца. Дорогу, видать, не поделили. Точнее сказать, мутузил один, двое других держали вылезших из своих машин водителей на мушке пистолетов. Водители были русские, угрожающе выкрикивали в сторону кавказцев, чтобы оставили парня в покое, но с места не двигались. «Бэха» кавказцев с тонированными стеклами и без номеров стояла поперёк проспекта. Образовалась приличная пробка — милиции или ДПС, как обычно, в нужный момент не наблюдалось. Русский парень — довольно плотный — под ударами худощавого и быстрого то ли чечена, то ли дага отступал и пропускал один удар за другим. Вдруг один стал стрелять из пистолета в хозяина джипа — чтобы поскорее свалить. Пистолет был травматическим, но русский уже в состоянии грогги боли не чувствовал. Корней хотел было выйти — уж раз травматика, может, и добрался бы до стрелка, да и свои бы навалились, помогли. Но, пока прикидывал, чёрнобровый залепил еще один удар, второй выстрелил для острастки, все трое быстро сели в машину и с торжествующими гудками растворились в потоке. Парень потерял виски, потрянул головой и, уже шатаясь, пошел к своему джипу. Публика, в том числе возмущавшиеся, видя, что дело кончилось без крови, тоже сели обратно в машины, пробка быстро рассосалась. К парню никто так и не подошел. Не помогли. Выходило, что и он не помог. Стволы, конечно, аргумент, но все-таки он ничего не сделал. Ну а после драки с утешениями лезть было и вовсе неприлично как-то. Корней вспомнил из Шекспира: «Так трусами нас делает раздумье». Получалось, что он слишком долго думал, достаточно, чтобы струсить. И хотя никто не мог бы его упрекнуть, сам Корней целый день себя корил и в тот же вечер напрасно задрал какого-то случайного соседа по ресторану. Драка вышла тусклой, пьяной и некрасивой, но совесть притихла. Нет, это было не то.

Может, покаяться в том, что обманул своего партнёра по бизнесу? Ну, как обманул? Тот стал думать о себе больше, чем о деле. Девочки, курорты, красивая жизнь. Конечно, за свои деньги, но дело было не в деньгах. Рантье Корнею были не нужны, нужны были соратники. Люди, отдающие себя компании целиком. Не трудоголики даже, бездумно и механически выполняющие кучу работы, чтобы заполнить жизненную пустоту, а единомышленники, единочувственники, если так можно выразиться, люди делового сотворчества. Корней говорил с партнёром, предлагал купить его долю по честной цене, но тот бил себя в грудь, напоминал о прошлых заслугах и просил не мешать почивать на лаврах. Корней не стал его переубеждать, но тихо и быстро сделал дополнительную эмиссию, провел все по протоколам, заверил подписи у купленного

нотариуса, и партнёр, вернувшийся с бразильского карнавала, оказался в положении известной бездомной стрекозы, которой муравей посоветовал идти поплясать. Партнёр начал войну, в том числе и внесудебную, но дело кончилось не в его пользу. Корней, предвидя нарушения Уголовного кодекса, заранее прозондировал милицейский генералитет на предмет будущего сотрудничества. Совладелец сел, хотя и ненадолго, за угрозы физической расправы, генеральская дочь возглавила филиал компании в Питере с очень дополнительной зарплатой, Корней стал единоличным владельцем компании. Наверное, бывший партнёр его проклинает до сих пор, и не без оснований. Но как расскажешь об этом вкратце? Как все объяснишь без описания тонких деловых обстоятельств, непонятных непрофессионалу? А как расскажешь о женщинах, которых он бросал сразу же, когда чувствовал свист лассо над головой? Или он заботу принимал за попытку влияния на его решения? Ведь он никакую не сделал счастливой, он боялся завязнуть в любви, боялся, что опутают — детьми, обязательствами, поручениями. Ведь пятый десяток — семьи нет, детей тоже, и, главное, ему и не хотелось этого. Жить для кого-то — это здорово, но если этот кто-то не оценит? Если этот, точнее эта кто-то, предаст? Вон, официальная статистика: каждый третий брак кончается разводом. А это всегда — ложь, слёзы, нервы, а то и похуже. Уже без всякой статистики это произошло почти со всеми его друзьями-приятелями к сорока годам. И почти всегда с гражданскими войнами, отсуживаниями имущества и детей, глубокой враждой там, где была такая же глубокая любовь. И каждая сторона жаловалась ему на другую, обвиняла всех, кроме себя, и было Корнею невдомёк, куда делись те молодые и счастливые люди со свадебных фотографий. Значит, в самом начале уже было заложено разрушение — расчет, обман или что-то похожее на любовь вместо самой любви. Настоящая любовь никогда не проходит, а если проходит — это не любовь. Что-то другое, и уже не важно, что. Вот почему Корней разумно считал брак лотереей, а полагаться на случай было не в его природе.

Кряжистый мужчина отошел от священника. Следующей была девушка в больших очках, стоявшая перед Корнеем. Девушка почему-то не обернулась с поклоном, сразу пошла вперед. Корней подумал, что он тоже может не кланяться народу — уж больно необычно по первости. Но вот он стоит — первый в очереди на исповедь, а в чем исповедоваться — не знает. Или не знает, что выбрать? Или выбирать нужно из того, что он и искать в себе боится?

Корней всмотрелся в батюшку, вспомнил имя — отец Игорь. Теперь он мог ясно различить его глаза. Глаза были карие, умные, очень живые, скорее понимающие, чем порицающие. Такие глаза опасны — им сразу начинаешь доверять. Но почему не довериться — разве исповедь не есть акт высшего доверия? Беззащитность кающегося и есть его броня против будущих грехов. Корней подумал, что открывать душу почти то же, что клапан. Мутная вода выходит под давлением, и душа может наполниться чем-то новым и прозрачным. Потом мутит её сам человек, пускает туда грязь низких деяний и — что хуже

— низких желаний, обманывает душу ради чего-то телесного, ненужного, излишнего. Думает человек: осядет этот ил, покроет только дно души, а на поверхности — чистое и приятное озеро. Нет, не выйдет так никогда, потому что снова и каждый раз, когда везлкаешь несправедного, ил со дна поднимается да заполняет собой всего человека. И настолько заполняет, что и убедить себя в этой мути легко в чем угодно, а убедив — и пойти на всё, что угодно жадности да гордыне человеческой.

Может быть, покаяться в несоблюдении поста? Но он уже объяснял себе и при случае другим, почему он не строг в этом вопросе. Да и разве ж стоит ради этого стоять в очереди в Великую субботу? Тут вместо покаяния просто нужно себя приучать к посту, волю применить, сие и без исповеди возможно.

Корней ощутил пустоту в себе. Не было того греха, в котором стоило бы каяться сейчас, все мелкота одна, не грехи, а клопы какие-то. Но в этом и был самый главный грех его жизни — он ничего не сделал достойного для другого, потому что, избегая плохого, избегал и хорошего. Получалось, что Корней, хотя и жил богато и скромно одновременно, не вмешивался в эту жизнь. Не любил, не ненавидел. Не предавал, не спасал. Не крал, но и не помог никому. Одно недеяние... Как наглухо закрытый в защите боксёр на ринге портит поединок, так он портил свой жизненный матч. И спроси его, что он сделал к последним раундам, сколько очков заработал, он бы и не ответил. Какая-то вечная ничья — и ничья не в его пользу.

Корней вытащил из кармана купюру и зажал в потном кулаке. Какого достоинства, было уже неважно, не на рынке. Он взмок от напряжения: так выпускник ждет вызова на экзамен, бегун ждет старта, так чувствует себя начинающий парашютист, стоящий у рампы вертолета и глядящий вниз, на разлинеенную землю. Еще шаг — и падение на эти квадратики. «Ну, ну, — успокоил дыхание Корней, — что это ты? Не побьют же за исповедь-то. И не падать тебе никуда, а скорее, наоборот, к Богу воспарять, душу облегчить, может, как раз для полета и нужно». Как избито сказано — облегчить душу. Это если камень на душе — скинул его, обошел, чтобы ногу не окровавить, да и дальше легкой походкой до поры до времени. А если нет такого камня? Если вместо камня какой-то песок? Везде, во всех порах, наилившийся с каждым мелким поступком, с каждым невмешательством, с каждым малодушием и с каждым хвастовством. Мокрый песок, тяжелый, прилипчивый, так сразу не отсыпать.

Ну вот — девушка отошла с благословением. Священник поглядел уставшими умными глазами на следующего. На него. Корней, забыв, что разрешил себе не кланяться народу, обернулся, сложил руки на груди и поклонился в пояс. «Бог простит», — услышал в ответ и сделал два шага сделавшимися ватными ногами вперед, к исповеди. Быстро положив бумажку в короб, Корней поцеловал Распятие и Евангелие — как делали исповедующиеся до него.

— Что у вас в пакете? — вдруг просто и по-домашнему спросил отец Игорь. — Полный, погляжу.

— Да вот... — Корней усмехнулся своей незадаче, поднимая пакет в руке, — принес яйца с куличами освящать, да время не рассчитал как-то.

Батюшка так же просто взял у него пакет, отошел от аналоя и скрылся в дяконских вратах. Корней выдохнул, как студент после зачета. И совсем не страшно, никто суровость не показывает, не осуждает. Корней приосанился, слегка обернулся назад. Очередь стояла уже до выхода, а может, и тянулась за двери, на улицу. Получается, на освящение опоздал, а на исповедь как раз вовремя. Вот уж точно сказано: пути Господни неисповедимы.

Отец Игорь вернулся с алтарником, тот держал чашу со святой водой.

— Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества: егда же и умершие от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче, Христе Боже наш, слава Тебе... — пропел отец Игорь и трижды окропил Корнеев пакет.

Получалось, что ему вышло освящение пасхальной еды в индивидуальном порядке. Корнею стало приятно и неловко одновременно. Ну что все-таки за олух, ведь мог прийти и раньше, как все. «Это чтобы не исповедоваться? — тут же спросила Корнеева совесть. — Уклониться хочешь, малодушие выказываешь?»

Батюшка отдал келарю кропило и внимательно посмотрел Корнею в глаза. Он был готов слушать. Корней, как говорится в старых романах, опустил очи долу.

— Я... я... меня зовут Корней Кондратьевич. Корней.

Батюшка спокойно ждал и смотрел тихими внимающими глазами. Корней взглянул в них быстро и снова опустил взгляд, закусил губу. Он вдруг почувствовал, что открывается его внутренний клапан, и испугался того, что сейчас из души выльется. Но сдерживать это Корней уже не мог.

— Я... я никого не люблю! Никого не могу любить и не хочу! Нет, хочу, но я не встретил такую женщину, они все... они продажные или глупые. Мне душно с ними. Мне со всеми душно. Я устал от людей. От их глупости, даже идиотизма, вороватости какой-то мелкой. Всё норовят обмануть или украсть, обвинить любого в своей нищете, кроме себя. Так кажется иногда — не люди, муравьи. Термиты с челюстями на всю морду. Нет, я не возношусь, я грешен, отец Игорь, я всю жизнь грешную провел, наверное. Я очень понимаю, что то, что и сейчас говорю, грешно — людей нужно любить, и Бога нужно любить. А я — я Бога боюсь, а людей... презираю. Почти всех. За то, что им всем что-то нужно. Вот мне нужно только, чтобы нашлась женщина, такая, чтобы всё отдать, а она — только чтобы не обманула, не обвела, чтобы обратно со мной делила, что от моей души получает. Я всюду искал, смотрел, вглядывался, пытался со многими — нет, ничего не цепляет сердце: ни красота, ни ум. Красивые свою красоту как инструмент используют для взлома мужского кармана, типа отмычки к сейфу. Умные даже корысть свою не скрывают, рассчитывают мужика без стеснения и притворства. Они это всё любовью называют, а разве ж в любви пользу ищут?

Я, батюшка, посмотрелся по друзьям да знакомым — ни одного исключения! Ни одного! А кто еще не развелся с дележом имущества, так тот гуляет на сторону, похоть свою чешет. Вот я с женщиной не сплю принципиально, если знаком с её мужем или даже просто парнем. Я честный по природе своей человек, воспитан так. Не хочу умножать ложь. Противно, будто воруешь. Я ведь сам хозяин, воровства не терплю потому. А ко мне в постель уже две такие жёнки просились. Но я помнил Соломоновы слова: «...мёд источают уста чужой жены, и мягче ея речь её; но последствия от неё горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый». Так и вышло. Эти... как бы мягче их в церкви назвать... «неледи» в отместку за то, что отказал, так они своим мужьям нашептали: мол, я их домогался. Чуть с друзьями не развели. Не поругались в итоге, но дружба подмочена уже. А я-то думал — ложь не множу, в обмане не участвую. Как бы я друзьям своим в глаза смотрел? А эти... замужние потаскухи, прости Господи, это любовью называли. Мне такая любовь противна, а другой я не встречал. Вот в чем дело. Может, Господь не сподобил, может, еще сподобит, не знаю, мне знать не положено. А вот то, что я в любовь не верю уже совсем, это я знаю. В Бога верю, а в любовь нет. И ведь молился Богу, в тишине, в одиночестве, не в церкви, не прилюдно, но молился — и горячо, искренне. Но мои молитвы в спам, что ли, попадают, не знаю, или просто глух Всевышний, не знаю. Но мне душно среди людей, отец Игорь, я человеков насквозь вижу, а почему? Не потому, что много знаю, а я немало про жизнь знаю. И не потому, что читал много и видел вокруг себя подтверждение книжной мудрости. А потому, что пуста одна в людишках, воздух. Измельчали до крошек. Но ведь раньше были ж другого сорта люди. Достоинство было, честь была, слову можно было верить, помогали друг другу. Женщинам за разврат хоть стыдно было. А теперь проводятся курсы официальные, дорогие, по б... по женской теме — как на мужчине заработать, ну вот, чтобы в храме не сквернословить..

— Я понял, сын мой. Блудить, блажить — старинное русское слово, означающее: говорить всякую кривду, неправду. Продолжай.

— Вокруг, куда ни посмотри, такое. Я работаю всю жизнь, много, на себя, достиг кое-чего в жизни. От людей не завишу — вроде радость. А разделить эту радость не с кем. Не верю никому. Не люблю никого. Даже не ненавижу. Равнодушно мне, и на всех, по большому счету, наплевать. Матушка вот только, родная кровь. Я ей помогаю, как могу, люблю, берегу, вот пошел куличи освящать... но это я — для неё. А для меня — никого. И чем больше людей вокруг, тем меньше любви. А больше подлости и... нелюбви. Как волки, ей-богу, спиной не повернешься. Так улыбается, а в спину нож уже готов, заточен. Враги хоть честно ненавидят, я их вижу, они мне понятны. А остальные — мутные, скользкие, как рыбы хвосты. А женщины. Эти... я почти женился на одной, любил её, как мог, делал всё для неё. Кормил, заботился, что еще мужчина может делать — всё делал. А она, оказывается, со старым любовником — моим же бывшим приятелем — план составила: выйти замуж, пожить полгода, год,

купить недвижимости подороже, потом обвинить в чем-нибудь и на разводе денег отжать. Или ту же недвижимость. И ведь как всплыло-то! Этот приятель спьяну похвастался кому-то, что скоро при деньгах будет. Его и расспросили под скрытую запись на диктофоне. И мне же эту запись продали. Женщина эта, отец Игорь, даже не отпиралась. Разве она каялась? Или исповедовалась, как я сейчас? Она только раздосадована была, что её любовничек болтливым оказался. Извини, говорит, только бизнес, ничего личного. Я спрашиваю — а любовь, а все признания и ласки — тоже бизнес? Знаешь, говорю, как такие су... существа в народе называются коротко, у которых любовь — бизнес? Так она мне и пощечину закатила. Оскорбилась, стало быть. Где же эта любовь, отец Игорь? Для кого же жить, если никому верить нельзя? Вернее, нечем верить уже. А по глупости притворяться, что все нормально, я не могу, я же не глупый и не слепой. Даже удавиться хотел после того случая, но все ж думаю: может, повезет еще? Да и врагам не хочется повод для радости давать. Но как быть-то? Как? Не люди кругом, стая какая-то. Поможешь — сядут на шею. Доверишь — предадут. Отвернешься — украдут. Полюбишь...

Корней вдруг почувствовал, что у него трясутся губы и плечи. Он плакал. С раннего детства не рыдал, а тут прорвало. Священник спокойно ждал и в нужный момент тронул Корнея за плечо.

— Правильно, что плачешь. Когда нет любви, жизни тоже нет. Но Бог милостив, раз грехи нам прощает. А это не грех, это беда, и Господь тут первый помощник. Знать, ждет Он, когда ты душу для любви откроешь, ты же, сын мой, её захлопнутой держишь, засупонил совсем. Как же любовь туда попадет? Как свет через нераскрытые ставни в дом проникнет? Никак. Так и любовь. Открой свои ставни, не бойся обид, плевков, обмана. Господь худшее снёс, на Кресте обидчиков простил и возлюбил мучителей своих. А ты боишься всего лишь обмана или насмешки.

Корней уже слушал спокойнее, потихоньку вытирал глаза рукавом.

— Вот свеча, она для чего горит? Для чего её люди в храме Божьем ставят?

Корней покачал головой — не хотелось попасть впросак с ответом. Да и говорить не хотелось — только слушать.

— Многие прихожане считают, что, мол, грехи в пламени сгорают. Нет, не сгорают. Грехи в истинном покаянии, в молитве и исповеди сгорают. В праведных делах тоже. И в любви, конечно. А свеча для того горит, — продолжал отец Игорь, взяв со столика свечку, — чтобы ты, человек, видел, как воск в огонь превращается. Так и душа твоя мягкая, что пластилин, обжигание должен пройти, душу в вере закалить и в любви закалить, внутренний свет зажечь. Вот если ты свой внутренний свет со светом свечи-то соединишь, Господь его тогда и увидит. А увидит, то и услышит — молитву твою, от сердца растопленного идущую. А от каменного сердца какой свет? Никакого. А какой звук? Глухой и тихий. А далеко слышен только звонкий. Вот тебе, сын мой, нужно это понять и принять.

Долго еще говорил с ним отец Игорь, терпеливо ждала очередь — и каждый в ней понимал, что много накопилось в человеке лишнего, что времени расчищать такие заносы тоже много требуется. Но все время мира у Господа на ладони, и каждому в утешение свой час найдется.

— Ходи на воскресную службу, сын мой. И не забывай мои слова, исповедуйся чаще. И с каждым разом короче будет твоя исповедь и больше благодать.

Корней ничего не стал говорить, склонил голову под епитрахиль и закрыл глаза под разрешительной молитвой. Так было тепло и спокойно, словно не голову, а душу накрыли детским ватным одеялом. Поцеловал руку священнику, как — видел — делали другие до него. В первый раз в жизни поцеловал не женщине — и сам себе удивился. Удивился и обрадовался благодарной легкости этого лобзания. Батюшка поцеловал его в темя, перекрестил, отпуская.

Корней возвращался не спеша, заново осматриваясь, словно попал в эту местность впервые. Только теперь, когда вышло из него что-то ненужное, липкое, городское, он физически ощутил, как выросла его деревенька. И не деревенька уже, а целая слобода. С собственным музеем. Да, наличествовал музей местных ремёсел — если вон свернуть туда, через овраг. Мать говорит, туристов прямо автобусами привозят. А ведь в детстве оврагом деревня и заканчивалось — они играли там в войну. И проигравшие бегали до «железки» — плющить гвозди и отвинчивать гайки с полотна на грузила для победителей. А теперь там вокзал — с рестораном и почтой. Да, выжила деревенька, расцвела, крепкий корень у неё оказался. И он, Корней, не фрукт без корней, как шутил отец, а ветвь своей малой родины. От того же корня дерево. И думалось ему так, что — не кривое.

Вернулся Корней уже затемно. Мать, конечно, не спала, ждала, испуганно спросила, куда сыночек запропастился? Корней не стал объяснять, сказал, что гулял, но гулял с чистой совестью. Куличи освящены, можно разговляться завтра, да что завтра — почти сегодня. Часы показывали без четверти полночь. Месяц свесился с неба и щупал белыми руками занавески. Стояла завораживающая живая тишина. Колыбель мироздания перестала качаться и остановилась в божественном равновесии. Наступала благодать. Наступала Светлая Пасха. Корней смотрел из окна на щербатую луну, долго смотрел, вдумчиво и вдруг улыбнулся — широко, ласково. Открылись, стало быть, ставни, и осветилась душа серебристым светом до самого дна. И со светом вошло какое-то новое чувство — спокойная надежда, все будет хорошо. Будет то, что для него главное. Что для всякого главное, да не всякому дается. А ему дастся — вот что понял Корней, вот почему так улыбался. Месяц боднул белесым рогом случайную тучку, завяз в ней, но скоро высвободился. Корней постоял еще, перекрестился и пошел христосоваться с матушкой.